Цена в г. Вятке 30 к. за городом 35 к.

№ 11.

ВЯТСКАЯ СВОБОДНАЯ КОММУНА

Долой власть человека над человеком!
Анархия мать порядка!
Коммуна школа труда и свободы!!

Условия подписки:
на 1 мес.—1 руб. 20 коп.
„ 2 мес.—2 руб. 40 коп.
„ 3 мес.—3 руб. 50 коп.

орган группы Анархистов-Коммунистов.

Суббота 15 июня. | Еженедельно. | 1918 г.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ВЯТКА, Преображенская ул., Клуб Анархистов.

Петроград, 26 марта 1918 г.

В одно прекрасное утро жители Петрограда прочли в правительственных газетах, что Петроград стал Трудовой Коммуной.

Ничего не переменилось в течение ночи, предшествовавшей этому об'явлению, и петроградцы искренне недоумевали. Недоумевали и мы, анархисты: конечно, на анархическую коммуну Петроград не похож. В нем, как и во всяком буржуазном городе, живут бедняки и богатые, в нем живут рабочие и тунеядцы, в нем населеніе делится на правителей и подвластных, в нем имеются «образованные» и «темные» люди.

Но не в этом только дѣло Коммуной назывались также некоторые средневековые города, обладавшие значительной степенью независимости по отношению к правительству, но ничего подобнаго в Петроградской Коммуне мы не видим. Коммуной назывался также город Париж в течении 72-х дней в 1871 г. и мы не раз встреч... в правительственной печати указания на то, что Петроградская Коммуна во многих отношениях имеет большее право именоваться таким образом, чем Коммуна Парижская. К сожалению, эта громадная неправда. Болѣе того, Петроград вовсе не является трудовой Коммуной вовсе не является простой коммуной.

Для того, чтобы иметь право называться коммуной, наш город должен признать правилом своей общественной жизни хоть те принципы, которые успели провести в жизнь или только провозгласить коммунары Парижа.

Прежде всего, Коммуна не признает центральнаго правительства. Коммуна знает только свои законы. Она не имеет ничего против того, чтобы центральное правительство имело свое местопребывание в пределах Коммуны, но это не потому, что нужно для нея, а потому, что другое население страны терпит существование этого правительства и считает его нужным.

Во всяком случае Коммуна не позволяет такому правительству иметь в своих границах вооруженную силу Коммуна только с того момента может считаться Коммуной, если какой-либо город, по примеру Парижа 1871-го года, не допускает на свою территорию солдат правительственной армии. Коммуна имеет свое войско, свою «гвардию» или армию, которая, если коммуна признает это нужным, сражается против внешняго врага вместе с армией правительства, расположенной в местностях, не ставших еще Коммунами. Далее Коммуна не позволяет центральному правительству держать в своих пределах полицию. Она имеет свою, безусловно не подчиненную правительству полицию.

Так как в Петрограде находится правительственная армия и правительственная полиция, то этот город и не является Коммуной.

Город Петроград по своему внутреннему распорядку, по своей подчиненности центральному правительству, стоит неизмеримо ниже Парижской Коммуны. Вольный город Париж не позволял позорить себя смертными казнями. Его армия и население торжественно, всенародно уничтожили орудие смертной казни гильотину, а в Петрограде смертная казнь применяется так часто, как применяется только в одном Китае, и применяется правительством.

Парижская коммуна сразу же провозгласила право на даровое жилище. За все время ея существования никто из парижан не платил ни копейки квартирной платы. Петроградцы в большинстве случаев преисправно вносят ее господам домохозяевам.

Главнейшия места, занятыя до провозглашения коммуны обычными чиновниками, перешли в Париже в распоряжение и заведывание рабочих. В Петрограде все эти места заняты интеллигентами и даже саботажники усердно приглашаются на службу правительством и заняли в настоящий момент многие посты и посты чрезвычайно важные, например, в сберегательных кассах.

Парижская Коммуна абсолютно не признавала и не терпела в своих границах промышленных предприятий, являющихся „собственностью“ французской республики, ни одной минуты не думала о подмене социализма государственным капитализмом. У нас имеются промышленныя заведения, перешедшия в собственность нашей республики и, за исключением до смешного малочисленных артельных предприятий, попрежнему процветает промышленность буржуазная. И в Париже громадное большинство промышленных предприятий оставалось в руках буржуазии, но это потому, что коммунары не успели взять, так как должны были с оружием в руках отстаивать свою коммуну от войск правительства. Но здесь важно то, что коммунары ни одной минуты не думали о замене частной собственности на средства производства собственностью государственной, находящейся в заведывании господ чиновников.

Парижская коммуна постановила даром выдать закладчикам все недорогия вещи, заложенныя в ломбарде, в Петрограде ломбарды полны предметами, безусловно необходимыми бедному населению и эти вещи валяются без всякой пользы, тогда как бедняки страшно нуждаются в них.

Париж увеличил заработок учителям начальных училищ, и их помощникам и мы только надеемся, что Петроградская Коммуна последует примеру коммунаров.

Можно было бы указать и другия условия жизни Петрограда, не позволяющия называть наш город Коммуной, а тем более Трудовой Коммуной, но мы ограничимся здесь одним важным указанием. Правительство Парижской Коммуны, (местное правительство, коммунальное правительство было и у парижан 1871 г.) постоянно, в высшей степени внимательно и охотно прислушивалось к тому, чего хотел народ, постоянно наводило справки о том, чего именно он желал или требовал, и шло к нему навстречу. А у нас, в Петроградской Коммуне, даже такия важныя дела, как эвакуация промышленных заведений, производятся на бюрократических началах.

Быть может, мы и близки к Коммуне, но у нас нет пока и подобия ея. Пока имеется только слово „Коммуна“ и это слово прикрывает собою неприглядную еще действительность. Тем не менее, дух самодеятельности и независимости пробуждается в трудовом петроградском населении и эта самодеятельность рано или поздно и, чем раньше, тем лучше, даст нам не только трудовую, но и анархическую коммуну.

А. Петров.

Анархисты трудовики.

Настала пора анархизму, как непримиримому с существующим порядком учению, окончательно вылиться в резко очерченную форму и навсегда покончить с ведо- [illegible]

Если анархия не политика и не политиканство то в вопросе о неприемлемости нынешнаго капиталистическаго строя, не может быть двух мнений. Кто не с нами, тот против нас. Кто работает на буржуазию созиданием „прибавочной стоимости“, тот не с нами, и до какого абсурда можно дойти думая иначе.

Как можно толковать о разрушении современнаго общества вкладывая девять десятых своего производительнаго труда в фундамент его и лишь ничтожную долю потребляя на себя!

О какой социальной вражде может итти речь, если сам же откармливаешь буржуазию и других захребетников. Если молчать об этом, то как можно сметь указывать на кропоткинцев, которые в конце концов более логичны с этической стороны, именно с той, которая заставляет многих анархистов работать и осуществлять евангельский завет: не трудись —не ешь!

Признав возможным производительно-производственный труд неизбежно допустишь защиту созданнаго, примешь войну оборонительную и наступательную.

Есть единственный довод, который выдвигают в свою защиту трудовики-анархисты, это то, что отбросив труд надо признать и допустить экспроприацию. Но такой ответ есть уклонение от ответа, на поставленный вопрос и не достоин правдиваго человека. Если труд в настоящем мире позорен для анархиста, то если бы надо было провести в жизнь чистоту указаннаго принципа раз-

рушив и перевернув весь свет и себя—нужно сделать.

Смотреть истине в глаза-привилегия анархистов.

Имеется еще не существенный довод в защиту по портунизма трудящихся анархистов, которых вернее следовало бы назвать анархистами (от греческаго—осел"), это указание на нашу непоследовательность всегда, ввиду того что анархизм—дело будущаго, а теперь мы анархистами быть не можем: ведь покупая и продавая, мы поддерживаем буржуазию и что еединственно верный путь остаться последовательным, надо покончить с собой самоубийством.

К самоубийству прибегают очень и очень немногие анархисты, но если бы ради чистоты своей веры, своих убеждений, было необходимо применить это радикальное средство, среоство, нашлись бы и на это великие фанатики разрушени .

Большинство останавливается на утверждении, что потребляя и покупая, анархистом быть нельзя. Мне думается, что тут лежит недоразумение, вытекающее из социалистической, буржуазной политической экономи. Когда я покупаю что нибудь, то конечно поддерживаю ненавидимый мною мир, но ведь купля и продажа характеризует теперь такое общество, где имеется определенный вид производства, базисом котораго служит частная власть на вещи и труд.

Термин „купля" приемлем для того, кто „производить".

Если я не произвожу, то тем самым и не покупаю. а только экспроприирую и разрушаю, дезорганизую—и в этом истинный смысл анархии. Когда передо мною, единичным лицом перед организованными насильниками, лежат ряды продуктов — хлеб, платье, золото (деньги) и все то, что мне нравится—нужно, и при условии отказа от производства их, я беру на выбор и это будет не купля, т. к. я не продавал себя, а чистое анархическое разрушение без социал-христианских прикрас и придатков.

Признав противоестественность труда (труда создающаго и творящаго прибавочную, стоимость) на капиталиста, то очевидно, конечно, надо прийти неизбежно к двум верным положениям: самоубийству или экспроприации, и не той экспроприации, о которой мечтают в будущем трудовики-анархисты, а немедленной, теперь же, без всяких завтра и нельзя!

В данном случае самоубийство было бы выгодным для буржуазии и властителям, но в конечном итоге, оно допустимо и вполне анархистично и логично как апофеоз разрушителя анархиста потерявшаго физическую силу для борьбы. Разрушение мира самоубийством, есть последний аккорд человеческой красивой жизни, последний бунт против порядка и закона. Но ввести такую смерть только потому, чтобы не совершать другого выхода—эксов, не выдерживает критики. Мы, ныне живущие анархисты, обречены погибнуть в бою, потому, что анархия как идеал наступит завтра, а не сегодня, а трудясь на капиталиста мы занимаемся филантропией, перестаем быть эгоистами. Мы рабы, а не анархисты: „всего меньше эгоизма у рабов". Если бы все мы почувствовали всю преступность нашего альтруизма, если бы мы все стали сознательными эгоистами, то—цепи пали бы и мир владык и рабов рухнул бы.

Мы своим эгоизмом не допустили бы существование пожирателей прибавочной стоимости.

Мир принадлежит нам и всякий осмеливающийся иметь два пирога, когда у меня нет и одного—мой враг и мой позор: я если я позволяю ему свободно проглотить мою долю,я не анархист, не эгоист, а болтун на христианско-альтруистических дрожжах.

Да будут эгоистами все и мир зацветет от счастья: да сумеем быть эгоистами, и радость появится на земле.

Отрицание труда не есть паразитизм—как говорят некоторые. т. к. бойкот работы есть только забастовка и саботаж производства, которыя я об'являю со дня своего анархистскаго сознания.

И больше, труд в нынешнем обществе является потворствованием существованию паразитов и для анархиста также не уместен как ношение государственнаго мундира.

Трудиться теперь, это значит питать стан нам враждебный на деле, и ляскать зубами на словах в пространство.

Оппортунизму трудовиков—анархистов должен быть положен конец; их труд—кинжал в спину анархизма, нет оправданий для них, когда даже в тяжелых условиях, в тяжелых умах—в тюрьме, в уголовных преступниках есть известная грань—еже не прейдеши, когда перешагнувшаго ее выбрасывают из своей среды, именно когда кто-либо из них строит эшафот, заковывает в кандалы товарища, становится заплечных дел мастером или палачем. Неужели мы стерли рубикон отделяющий анархизм от онархизма и потеряли компас, указывающий нам верное направление в грозу и бурю?

Пора одуматься и для себя и для того чтобы не вводить массы в заблуждение, пора выявить миру великую идею анархизма без уверток и социалистических сеток.

Неонигилистъ Андрей.

Къ молодежи.

Посвящение

Молодеж! Возмутись! Призываю тебя!
Возмутись, разожги Дух Возстания и смети Угнетение!..
Ты молчишь! Ты смирилась!.. Неужель!
И твой Сосуд Жизни наполнен предразсудками!..
Но я говорю возмутись! Возмутись против насилия и угнетения! Возмутись против владычества Старых, смеющихся над тобой!
Свергни их жаждующих поколения!
Призываю,—свергни попрание Молодости, сбрось гнилье и разцвети!
Возмутись против умерщвления Творчества.

Молодеж возмутись!
Молодеж? Ты смирилась?.. Но я видел тебя Юноша!
Но я видел как ломали тебя! Я видел, как тебе ребенку привязали ранец к спине и накинули цепи законнической мудрости, и окружили тебя ложь и обман!-
Я видел, как тебя запугали отметками! Я видел тебя въ этой школьной пыли малокровнаго, бледнаго.
Я слышал, как тебя стращали властью!
Я слышал все чем пугали тебя Старые.
И тебя я видел дитя Рабочаго!
Твой отец умер!.. Здесь!.. Он дышал этой пылью фабрики!
И ты дышишь ей, свивая нити порванныя челчоком.
Из окна видно зеленое поле, но не тебе итти гулять в него.
Ты бледен, ни кровинки в твоем лице!
Твои руки сухи, как палки!
Ты ткешь полотна, а у тебя нет рубахи!

Ты оборван!
Я видел тебя ребенком...
А затем ты вырос. Ты дитя Рабочаго.
Ты бледен, худ! Ты в лохмотьях и голоден!
Сегодня придаток машины,—завтра придаток безработной толпы!..
Ты, юноша с потухшими глазами!
Я зову тебя возмутись!
Ты боишься хозяина!.. Ты раб!..
Так не бойся же!..
Возьми у него то, что он не отдал тебе!
Возьми у него то, чем он жиреет!
Возьми! И ты будешь Свободен! И сыт!
Потом я вновь увидел тебя Узник школы!
Я увидел тебя одетаго в халат с блестящими пуговицами. Я увидел тебя стесненнато в нем.
Я увидел тебя сутулаго с очками на носу!
Я увидел в тебе робость, а не Огонь Жизни:
Я увидел тебя непригоднаго к жизни юношу.
Я увидел в тебе умерщвление!..
Возмутись! Ты, превращенный в старую развалину!
Возмутись! Скинь арестанский халат и блестящия пуговицы!
Возмутись, сотри морщины со лба твоего!

Возмутись! Стань сильным!
Возмутись одураченный в семинариях и гимназиях, попами и гробовщиками—чиновниками!..
Возмутись! и ты будешь *Свободенъ*!
У тебя будет Радость! Ты будешь *Жить*!
Ты смущаешься, ты еще дорожишь словами стариков обременяющих землю!
Ты еще чтишь их,—стариков?
Глупец!..
Чтить их! Это ими придумано, одряхлевшими!
Они не могут побеждать в борьбе за *Жизнь*, но они хитры!..
Да!
Они не спрятались, нет!
Они важно разселись по самым высоким местам и приказали тебе: —„Чти и поклоняйся"!
И ты повиновался им!
Глупец!..
А они сидят, как старые петухи с облезшими перьями, и кивают тебе головой и слюняво смеются...
Они радуются твоему послушанию..
И живут своей силой.
И угнетают тебя!
Глупец!
Нет!
Так взорви их трон! Трон Старости и займи их место.
Возмутись! Освободись от гнили засевшей в тебе!..

Возмутись! Разрушай!
Вед в тебе сила!
Разрушай и создай:
Молододость!
Свободу!
Радость!
Молодость Мира!
Анархию!

Николай Н.

На переломе.

Совершилось страшное, всеми ожидаемое: правительство Вильгельма II-го заключило союз с теми помещиками и капиталистами Украины, которые более трех лет посылали народ украинский воевать с народом немецким. Ясно, как день, перед всем миром братаются богатые для того, чтобы с помощью одного народа задушить волю, свободу другого народа, скинувшаго с себя цепи рабства, обмана, насилия и подлости.

Все взятое народом украинским, и землю и волю, все отняли немцы и, призвав к власти помещиков и капиталистов, одним взмахом снесли народныя завоевания.

Земля отнята у крестьян и возвращена помещикам, подлое иго рабство вновь воцарилось в Украине. Нет свобод! По воле Вильгельма II, с согласия украинских капиталистов и помещиков, народ задавлен и введен отживший прогнивший порядок самодержавия.

Рабство в Украине, рабство в Финляндии. Как клещами, сдавили немцы Великороссию.

Еще прыжок, и схваченная за горло Россия будет опрокинута на зем, придавлена немецким сапогом.

Нависла гроза, трудно дышать.

«Передышка» превратилась в удушье. Смрад насилия, произвол, разстрелы, издевательства победителей вот что встало перед нами.

Сегодня свободные, завтра рабы!

Мы должны все, как один, представить себе ужас переживаемаго момента.

Пока еще не поздно, пока еще не все потеряно, все трудящиеся, все рабочие, крестьяне, интеллигенты—все должны сплотиться на защиту нашей воли, нашей свободы! Не для того мы свергали иго Николая II, чтобы нести иго Вильгельма II! Не для того лилась кровь в городах, селах и деревнях, чтобы мы покорно склонились вновь перед барином, помещиком, фабрикантом, капиталистом! Нет их власть мы изведали! Их порядок приведший к дикой, ужасной многолетней войне, мы не забыли!

И неужели теперь, в грозный момент, вы, рабочие, вы, крестьяне, и вы, интеллигенты, все вы трудящиеся,—неужели теперь перед общим унижением, перед бедой для всей страны не оставите мелкие никчемные споры о правоте или неправоте своих вождей!? Неужели теперь вы не сплотитесь в дружную семью?

Меч врагов и занесен над всеми. Теперь не до споров и обвинений.

Враг идет. Враг близок. Будем все наготове.

Вл. Бармаш.

Бог и религия.

Очень часто приходится слышать споры между верующими в бога и неверующими в него.

Одни говорят, что бог создал человека пообразу и подобию своему, и потому человек является слепым орудием в руках великаго, всемогущаго бога, который карает и милует человека за его поступки.

Другие же говорят, что человек создал себе бога по своему подобию, а потому бог находится в руках человека, который и может с ним делать, что ему угодно. Человек может менять форму и образ бога по своему желанию. Его можно вылепить из глины вырубить из дерева, вылить из меди или железа и т. д.

Для того, чтобы разобраться, кто из них прав, чтобы понять нам связь между богом и религией, нам необходимо вернуться к началу истории человечества

История свидетельствует, что много веков тому назад люди жили в диком состоянии, непонимая ни назначения человека на земле, ни всех происходящих вокруг него явлений. Первобытной человек не имел никакого понятия ни обоге, ни о религии да и не имел в этом никакой надобности.

Живя среди необ'ятной природы, первобытные дикари верили только в свою физическую силу, добывали себе одежду и пищу и делили их между собой, нисколько не думая о смысле жизни,

И только позже они заинтересовались явлениями природы. Начали доискиваться причин почему солнце светит только днем, почему светлый день превращается в темную ноч, почему бывают ветры, дожди туманы и т. д.. И не находя ответа на эти вопросы, человек почувствовал страх перед таинственными причинами явлений природы и начал поклоняться солнцу, ветрам, луне и т. д. как каким-то неведомым силам, существующим где-то далеко от человека и недоступным человеческому пониманию. Мало помалу люди обожествили эти могучие таинственные силы и втечению веков создали себе бога по своему образу и подобию.

Долгое время дикари простодушно верили в созданных ими богов, меняя их при каждом удобном случае. Но среди них нашлись хитрые и ловкие люди, которые назвав себя „волхвами“. знатоками и доверенными бога, старались укрепить в населении страх и преклонение перед неведомым богом, котораго никто нигде не видал. И пользуясь внушенным народу ужасом перед таинственным грозным богом, выдавая себя за жрецов и представителей его на земле, начали грабить народ, обирая его во славу божью.

И так мы видим, что бог создан и людьми и сами люди решили его считать вечным, всемогущим, повелителем вселенной. И никому в голову не пришла мысль где был и что делал этот бог до сотворения мира. Не создан ли этот бог каким-либо другим более всемогущим богом. И если допустить мысль, что может быть что-нибудь вечным то гораздо прощее предположить, что вечно существовала именно вселенная которую мы видим и которая постоянно, в течение многих миллионов веков, меняла и меняет свою форму. Зачем создавать и выдумывать что-либо, в существовании чего мы не можем никак убедиться, когда наука, успехи которой развиваются с каждым днем, уже и теперь может в достаточной степени удовлетворительно об'яснить происхождение мира и все таинственные явления.

Наука показывает, что бог выдуман людьми, что в действительности бога нет:

А если так, то безсмысленна и религия, неосновательна вера в бога не нужны все религиозные обряды и моления. Она изобретена жрецами волхвами, священниками, для порабощения трудящихся, для удержания их в покорности сильным мира сего, властям и богачам. Всякая религия—христианская, магометанская, иудейская, языческая,—все они являются источниками рабства трудящихся. Религия это крепкая преграда, стоящая на пути к освобождению человечества, преграда поддерживаемая страхом и невежеством населения.

Религия заставляет верить в бога, полнаго противоречий. Если бог всемогущ и добр, то почему же он создает таких слабых людей, которые грешат поступают нехорошо, подпадая под власть дьявола? Если бог всесилен, то почему он не сокрушит могущество сатаны? Если бог любвеобилен и добр, то почему он допускает существование бед и несчастий, от которых наша жизнь на земле превращается и ад? И если он всезнающий, то зачем ему в день страшнаго суда требовать отчета от людей, когда он и так знает все их прегрешения. Здравомыслящий человек не может согласится с таким нелепым богом и не может поверить всем небылицам, разсказываемым в священном писании.

Первобытные люди приносили своих детей в жертву богу. Библия говорит, что бог любит кровь. Іерусалимский храм должен был быть окропленным голубиной кровью перед молением. Восславу божью в средние века одни христиане мучили других, жгли их на кострах, рубили головы, варили в горящей смоле. Еще недавно у нас православнааяцерковь подвергала всяким преследованиям не православных христиан. Неужели же бог так кровожаден? Неужели же он может быть одновременно таким варваром и вселюбящим? Можно ли допустить существование такого бога?

Дикари создавали себе бога по своему невежеству, благодаря их жизни, где накаждом шагу их подстерегала опасность. И теперь еще в тех странах, где часто происходят грозные явления природы (землетрясения, извержения вулканов и пр.) или стихийные бедствия (неурожай, голод повальные болезни), люди сохраняют еще веру в бога и подчиняются требованиям религии. А этим пользуются священники, взимая с них всяческие поборы и запугивая их еще больше, стараясь потушить их недовольство существующим строем рабства и гнета.

По мере развития науки, бог и религия исчезают. И чем скорее падает вера в бога и религиозность, тем ближе человечество к своему освобождению.

Настало время служить не богу, выдуманному нашими угнетателями,а великой Истине, возвещающей наступление царства Справедливости, Свободы, Равенства и Братства.

Евгений.

Экономическия задачи и революция.

Российскую революцию называют социальной. Очень много говорят об ея отличии от политической буржуазной и часто подчеркивают ея экономический характер.

Несомненно, есть большая доля правды в таком понимании революции. Российская революция, на самом деле, по своей форме по методу и особенно по своим устремлениям сильно разнится от всех предыдущих революций Стараго и новаго Света.

Однако, если не время забыть тенденции революции и взять ее в ея действительном проявлении, то придется констатировать, что элементов экономических и социальных у нея крайне мало. Проанализируем вначале действия «крестьянскаго и рабочаго правительства», которое, как думают, является выразителем чаяний и стремлений угнетеннаго класса.

Из безчисленнагомножества мертворожденных декретов наиболее имеют отношение к экономической жизни декреты о земле и национализации банков.

Декрет о земле... Безспорно, сам по себе декрет по своей реализации, с соблюдением целаго ряда важных условий о которых сейчас не будем говорить мог бы произвести громадную революцию в области экономических отношений крестьянства, Но взятый отдельно, так, как он есть оторванно и несогласованно с своей экономической политикой правительства, этот декрет—пустой звук.

Кому не известно, что „социализация земли“ в деревне при оставлении на прежних основах всей экономической промышленной жизни страны является одним из самых очевидных абсурдов.

В былое время об этом с достаточно сильным основанием говорили сами с.-д.

Мы же заявляли всегда, что „социализация земли“ в том виде, как она проэктируется с.-р. и как она была преподнесена большевитским правительством. Пелена, неосуществима и ублюдочна. Не будем повторять избитыя аргументы. Ясно, что социализм в деревне и эксплоататорски капиталистический строй в городе несовместимы. Вот почему не удивительны, ччо советский декрет о земле не внес в деревню ничего новаго, социалистическаго, и не изменил стихийный грубо индивидуалистический характер аграрнаго движения, часто принимавшаго уродливые формы.

Национализация банков... Здесь уместно будет поставить вопрос вообще о „национализациях“. На российский пролетариат слово „национализация“ действует оглушающе. Ему кажется, что вместе с осуществлением национализации падают устои современнаго грабежа и разбоя. На самом деле это далеко не так.

Мы знаем, что в Западной Европе национализация давно практикуется, хотя бы в отношении почты, телеграфа и железнодорожнаго хозяйства.

Совсем недавно, с 12 января 1918 г., вошел в силу декрет президента Вильсона о национализации железных дорог в Америке. В своем возвании Вильсон говорит: „Принимая на себя контроль над железными дорогами, правительство получит огромное усилие в деле активности войны... Правительство Соединенных Штатов является единственным из участвующих теперь в войне великодержавных правительств, которое еще не осуществило такого контроля“.

Итак, национализация сама по себе вовсе не страшна буржуазному обществу. Наоборот, всякая национализация является лишь укреплением государства. Тенденция всех современных государств ясно намечается в захвате экономических функций. Это одно из самых ужасных последствий современнаго капитализма, в результате котораго государство может превратиться в чудовищную всепожирающую гидру. Тогда для пролетариата наступит эпоха небывалаго рабства. Не надо забывать, что государство, какое бы оно ни было, как форма общественной организации, никуда негодно и противоречить всем освободительным стремлениям человека. Это взгляд не только анархистов, но и всех искренних социологов.

Вернемся к национализации банков. Национализацию банков при диктатуре пролетариата можно бы еще разсматривать, как метод постепеннаго осуществления социализма. Тогда все значение такой национализации должно заключаться исключительно в экспроприации ка-

питалов у бржуазии. Но разве это на самом деле произошло? Буржуазия хитро провела советскую власть, оставив ей в сейфах жалкие гроши. Да собственно говоря, у самой советской власти вовсе и не было намерения экспроприировать финансы капиталистов. **Ей хотелось лишь** контролировать ея денежныя дела. Однако и эта скромная задача, как мы знаем потерпела неудачу: капиталисты постарому, оставшись с своими капиталами, продолжают являться господами положения. Для них нет недостатка, ни в учреждениях ни в банках, ни в предприятиях куда бы они могли выгодно пристроить свои финансы.

Большевики напоминают мальчиков, ловящих мыльные пузыри, у которых вместо соблазнительных блестящих, ярких шариков в руках остается лишь неприятная мокрота.

Таковы главныя социально-экономическия действия „крестьянскаго и рабочаго правительства". Как мы видели, угнетенный класс мало от них выиграл, еще менее они наложили печать на самую революцию.

Экономическия задачи большевистскаго правительства, реализуясь, или дают слишком жалкие результаты, или приносят явный вред.

Приступим к анализу действий самаго угнетеннаго класса. Здесь прежде всего бросается в глаза стихийность, инстинктивность в творческих исканиях. Нет ясных задач, определенных осознанных стремлений. С поразительной очевидностью выступает тот факт, что российский угнетенный класс ясно осознал себя, как класс, противоположный господствующему классу, но совершенно лишен сознания своего значения, как класса, своей роли, своих творческих задач в революции.

Нет ни твердаго, решительнаго метода, как и нет ясной, вполне осознанной реально-классовой цели.

Пролетариат творит свое классовое сознание в самом процессе революции. Закончится ли это творчество успешно, достаточно ли продлится революционный процесс, чтобы дать угнетенному классу необходимое время для осознания как своего метода, так и своих конечных целей,—сказать трудно. Но факт отсутствия вполне осознанной классовой, социальной борьбы налицо.

Этим об'ясняется вся неустойчивость в идейном отношении российскаго угнетеннаго класса. Вчера он шел с громадным энтузиазмом за вождями из буржуазии и социалистов-реформистов, сегодня он, увлеченный другими лозунгами, с неменьшим энтузиазмом шествует за новыми вождями проклиная старых, а завтра.. покрыто мраком неизвестности. Будут ли его боги и герои из лагеря более крайняго, или он разочаровавшись в новых героях, вернется к старым, может быть, даже дореволюционным, или, быть-может, вообще убьет веру во всяких богов и героев и двинется самостоятельно на путь строительства новой жизни,—все это крайне гадательно и слишком проблематично. Хотелось бы думать и верить, что угнетенный класс использует уроки истории, и примет последнее решение.

Если бы, на самом деле, наша революция была глубоко сознательная, как классовая, социальная, то задачи экономическия сами напрашиваются.

Прежде всего если пролетариат поставил своей целью атаку капитализма, он должен бы первой,—я не говорю главной,—своей задачей иметь борьбу с вытекающими отсюда последствиями. Одно из них, самое великое,—безработица. Буржуазные экономисты отделываются простым констатированием факта. Не то отношение должно быть у угнетеннаго класса. Если при политической революции первым шагом после ея торжества является освобождение узников из тюрем куда они были посажены свергнутыми властями, то первым действием социально-экономической революции должно быть освобождение узников из тюрьмы голода, которая является следствием эксплоатароко-экономической организации общества. День торжества угнетеннаго класса должен быть реальным его торжеством. Ни одного безработнаго, ни одного голоднаго труженика—вот первый лозунг революции пролетарской и социальной. Действительность нам показывает обратное. Въ период властования „крестьянскаго и пролетарскаго правительства" армия безработных растет. Этот факт, говорящий о том что даже „пролетарское" правительство безсильно выполнить задачу класса. Этот факт точно так же указываетъ и на то, что сам угнетенный класс не дорос в своем сознании до вершины классовой солидарности, при которой было бы невозможно присутствие в его среде обезпеченности одних и голода других. В настоящее время в каждом большом промышленном городе насчитывается 10 тысяч, а по всей России наберется несколько сот тысяч безработных. Странная «диктатура пролетариата».

Нам могут возразить, что правительство принимает меры для борьбы с безработицей. Это так, но разве буржуазное правительство остается равнодушным к такому факту? Оно ведь тоже всегда принимает меры. Важны результаты. Пока что они одинаковы какъ в нашей «социалистической республике», так и в западно-европейских буржуазно-империалистических государствах.

Нет средств... Это неправда. Правительство находит возможным субсидировать миллионами целый ряд чисто-буржуазных учреждений, в том числе и кооперативы, почему же для организации труда безработным нет средств? Не старая ли это отговорка? Заметим и то, что и сам угнетенный клас в целом не имеет лозунга «долой безработицу».

Мы оставляем в сторону оценку этого факта, ограничившись лишь тем указанием, что если в настоящее время рабочия массы начинают охлаждаться в своем отношении к революции, то корни такого явления надо также искать и в существующей безработице. Вторая очередная экономическая задача—уничтожение другого не менее злостнаго последствия капитализма,—деления общества на производителей и только потребителей-паразитов.

Пролетарская революция должна с первых же своих шагов убить это зло: всеобщая трудовая повинность, право на потребление только трудящимся.

Эта задача, как мы знаем, тоже не преследуется ни угнетенным классом, ни его правительством.

Если бы мы продолжали дальнейший анализ экономическо-социальных задач истинной, классовой, социальной революции, то мы должны были бы указать на задачи, долженствующия быть поставленными в отношении коренной реорганизации производства и потребления. В этой области тоже ничего не совершено заслуживающаго внимания.

Итак, из всего сказаннаго ясно вытекает одно—что революционный, борющийся класс угнетенных должен возможно быстрее выйти из перваго этапа своей стихийной революции. Довольно топтаться на месте. Это преступно и чудовищно опасно. Революция теряет смысл, значение; убивается вера в нее, а вместе с этим крепнут черныя силы, которыя только и ждут момента полнаго разложения. Стоячая вода тухнет. Революция, не двигающаяся вперед умирает.

Все крестьянско-пролетарския организации—советы, профессиональные союзы пролетарские кооперативы, фабрично-заводские комитеты организации безработных и т. д.—должны немедленно об'единиться для выработки очередных классовых задач и для принятия единаго метода их осуществления.

Революция на повороте.

Г. Аскаров.

* * *

Основы тяжкия закона
Вдруг стали хрупкими, как сон
над нами черныя знамена
Кто враг народу тот сражен..!
Враги нещаднее излее...
Отважный будь еще смелей
Мы одного убили змея
Но торжествует новый змей.
Расторгнув бремя древней власти,
Мы отвергаем принцип власть,
Ведь, змея держат только страсти
И всякой власти надо пасть!
Буржуя низкая измена,
Таясь нас ждет у нововых стен,
Но как ушла душа из плена,
Мы низорвем и жизни плен.

А. Бр.

Наша революция

„Революция сама себя сожрет, если народ не будет охвачен идеями анархизма", писал французский анархист Ж. Грав.

И действительно, мы видим, что великая русская революция пожирает сама себя. Она варится в своем собственном соку, не имея возможности на просторе развернуть свои творческие силы. И революция, которая должна была принести трудовому народу полное освобождение от политическаго и экономическаго рабства, покатилась назад в лагерь вчерашних душителей всякой свободной мысли.

Что значит быть охваченным идеями анархизма?

Революционный пролетариат и крестьянство должны прежде всего знать, что революция не является целью, что она лишь средство нашего освобождения, средство для уничтожения экономическаго рабства. Нам предстоитъ совершить не простой переход от самодержавия к республике. Нам нужно совершить социальную революцию, т. е. в корне изменить всю хозяйственную и политическую жизнь. Это изменение необходимо для того, чтобы раз навсегда трудовой народ мог выйти из отчаянно-нищенскаго состояния, в котором он пребывает до настоящаго времени.

Народ остается в нищенском положении потому, что он и поныне опутан предразсудками, что он еще не вырос достаточно для того, чтобы решиться самому сделаться хозяином своего положения. Трудовой народ с детским простодушием продолжает ждать, пока приедет барин, -барин их разсудит. Он ждет, что найдутся добрые люди, которые позаботятся о нем, что бы ему стало легче дышать, и дождется, что эти добрые люди отнимут у него последнюю каплю воздуха и он станет задыхаться. Вот это-то ожидание какого-то барина и есть самый ужасный самообман. Если народ сам не возьмет себе все, что ему нужно, то он этого никогда не получит, кому бы он ни доверил свою судьбу.

Пора, наконец понять народу, что настало время стряхнуть с себя крепостные путы, которых много осталось с 1861 года и к которым прибавилось с тех пор еще много новых. Пора рабочим и крестьянам понять, что они смогут выйти из положения рабства только в том случае, если они сами станут кузнецами своего счастия. Давно пора! Никто не станет благодетельствовать им, если они не завоюют все им необходимое.

(Продолжение следует).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Принимаются заказы в типографии I-й Вятской свободной Коммуны. Прием заказов с 10 ч. до 3 в конторе типографии.

Владимирская ул. между Семеновской и Кукарской.

Нужны портные в I Вятскую свободную коммуну.

Обращаться. Преображенская улица Клуб анархистов.

Редактор Орлов.

Типография 1-й Вятской Свободной Коммуны.